Литрес ≡ Классика

Оноре де Бальзак

ПРОЩЕННЫЙ МЕЛЬМОТ

Оноре де Бальзак

Прощенный Мельмот

«ЛитРес»

1831

Бальзак О.

Прощенный Мельмот / О. Бальзак — «ЛитРес», 1831

Таинственный иностранец Мельмот, некогда заключивший сделку с дьяволом и обретший сверхъестественные способности, устал от своего бессмертия и ищет человека, которому можно передать роковой дар. Его выбор падает на скромного банковского кассира Кастанье, соблазнённого возможностью получить неограниченную власть и богатство. Повесть размышляет о цене дьявольской сделки и о том, что обладание сверхсилой не приносит счастья, а лишь меняет форму рабства.

© Бальзак О., 1831
© ЛитРес, 1831

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 9

Оноре де Бальзак
Прощенный Мельмот

Генералу барону Померелю – на память о крепкой дружбе, соединявшей наших отцов и перешедшей к сыновьям
Оноре де Бальзак

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

Есть такая порода людей, которую в мире общественном выращивает цивилизация, подобно тому как в мире растительном цветоводы тепличным способом создают гибридную породу, не поддающуюся размножению ни путем посева, ни отводками. Мы имеем в виду кассира: некое человекообразное растение, которое поливают религиозными идеями, подпирают гильотиной, обстригают пороком, – и растет себе оно на четвертом этаже вместе с почтенной супругой и надоедливыми детьми. Многочисленные парижские кассиры всегда останутся загадкой для физиолога. Понял ли кто-нибудь задачу, где иксом является кассир? Как отыскать

человека, который спокойно созерцал бы чужое богатство, отданное ему в руки, – ведь это все равно что кошку посадить в одну клетку с мышью! Как отыскать человека, который согласится в течение семи восьмых года по семь-восемь часов в день сидеть в плетеном кресле, за решеткой в каморке, не более просторной, чем каюта морского офицера? Человека, у которого таз и ноги не одеревенеют от подобного ремесла? Человека, у которого достаточно величия для такого маленького места? Человека, который, постоянно имея дело с деньгами, проникся бы отвращением к ним? У любой религии, моральной системы, школы или института затребуйте это растение и предложите им Париж – этот город-искуситель, этот филиал ада – в качестве среды, где должен произрастать кассир! И вот проследуют перед вами религии одна за другой; школы, институты, моральные системы, все законы человеческие, великие и малые, придут к вам, как приходит друг, к которому вы обратились с просьбой о тысячефранковом билете.

Они примут скорбный вид, они прибегнут к гриму, они сошлются на гильотину, совершенно так же, как ваш друг укажет вам жилище ростовщика – одну из сотни дверей, ведущих в больницу для бедных. Впрочем, сама нравственная природа не лишена капризов и позволяет себе то там, то здесь создавать честных кассиров. Потому-то разбойники, которых мы прикрасы ради именуем банкирами и которые приобретают лицензию за тысячу экю, как пират – разрешение на выход в море, проникнуты таким почтением к этим редким существам, выращенным в инкубаторе добродетели, что заключают их в каморку и содержат так же, как правительство содержит редкостных животных. Если кассир не лишен воображения, наделен страстями, если кассир, пусть даже безупречный, любит свою жену, а она скучает, страдает от неудовлетворенного честолюбия или просто тщеславия, – тогда кассир развращается. Поройтесь в истории кассиров: вы не приведете ни одного случая, когда кассир добился бы, что называется, *положения.* Если они не кончают каторгой или бегством за границу, то прозябают где-нибудь на третьем этаже на улице Сен-Луи в квартале Марэ. Когда парижские кассиры осознают свое значение, им цены не будет. Правда, иные люди только и могут быть что кассирами, так же как другие неизбежно становятся мошенниками. Поразительная насмешка цивилизации! Добродетели общество жалует на старость сотню луидоров ренты, третий этаж, вволю хлеба, несколько неношеных шейных платков да престарелую жену, окруженную ребятами. А пороку, если у него хватит смелости, если он ловко повернет в свою пользу статью закона, как Тюренн вертел генералом Монтекукули, общество прощает украденные им миллионы, общество осыпает его орденами, балует почестями и заваливает знаками уважения. К тому же и само правительство действует в полном согласии с обществом, глубоко непоследовательным. Среди способных юношей восемнадцати-двадцати лет правительство производит набор молодых талантов; преждевременной работой оно истощает великие умы, собранные им для того, чтобы хорошенько их отсортировать, как садовники поступают с семенами. К этому делу оно приставляет присяжных взвешивателей таланта, которые пробируют их мозги, как на монетном дворе пробируют золото. Потом из пятисот подающих надежды молодцов, которых ему поставляет наиболее передовая часть населения, правительство отбирает одну треть, помещает ее в огромные мешки, именуемые *учебными заведениями,* где и держит их в течение трех лет. Хотя каждый из таких ростков представляет собой огромный капитал, оно делает их своего рода кассирами; назначает простыми инженерами, использует в качестве капитанов артиллерии – словом, обеспечивает их лишь самыми высокими из подчиненных должностей. А потом, когда эти лучшие люди, сдобренные математикой и напичканные наукой, достигают пятидесятилетнего возраста, их вознаграждают за службу квартирой в четвертом этаже, женой с ребятами, всеми прелестями посредственного существования. Разве не чудо, что из этих одураченных людей выберется пять-шесть талантливых личностей, которые достигают социальных высот.

Таков точный баланс отношений, в которые вступают талант и внутренние достоинства с правительством и обществом в эпоху, почитающую себя прогрессивной. Без этих предва-

рительных замечаний случай, недавно происшедший в Париже, показался бы неправдоподобным, а сопровождаемый этим кратким введением, он, может быть, даст пищу умам, достаточно высоким для понимания истинных язв нашей цивилизации, которая после 1815 года принцип «честь» заменила принципом «деньги».

В пасмурный осенний день, часов в пять вечера, кассир одного из самых крупных парижских банков еще сидел за работой при свете лампы, зажженной уже довольно давно. Как это заведено в коммерческом мире, касса помещалась в самой темной части тесных и низких антресолей. Чтобы до нее добраться, нужно было пройти коридором, который освещали лишь тусклые оконца и вдоль которого, как в банном заведении, тянулись перенумерованные комнаты. Следуя инструкции, швейцар уже с четырех часов флегматически произносил: «Касса закрыта». В это время канцелярии уже опустели, курьеры были отосланы, чиновники разошлись по домам, жены директоров ожидали своих любовников, оба банкира обедали у своих сожительниц. Все было в порядке. Окованные железом денежные сундуки стояли позади каморки кассира, занятого, вероятно, подсчетом кассы. Сквозь решетку каморки можно было видеть шкаф из кованого железа, который благодаря изобретениям современного слесарного ремесла был так тяжел, что воры не могли бы его утащить. Его дверца открывалась лишь по воле того, кто умел составить пароль из букв замка, хранящих тайну и не ведающих подкупа, – прекрасное осуществление сказки о Сезаме из «Тысячи и одной ночи». Но это еще не все. Замок стрелял из пищали в лицо тому, кто, овладев паролем, не знал последнего секрета, ultima ratio этого дракона механики. Дверь в комнату, стены комнаты, ставни в комнате[1] – вся комната была обита листами железа толщиной почти в полдюйма, замаскированными легкой деревянной обшивкой. Ставни были закрыты, дверь заперта. Если кто мог считать себя пребывающим в полном уединении, недоступным ничьему взору, то, конечно, кассир банкирской конторы «Нусинген и К°» на улице Сен-Лазар. Итак, полнейшее молчание царило в этом железном погребе. Угасшая печка дышала жаром, вызывающим муть в голове и тошноту, как бывает наутро после кутежа. Печка усыпляет, одуряет – необычайно способствует превращению сторожей и чиновников в кретинов. Комната с печкой – колба, в которой разлагаются энергичные люди, слабеет их способность к движению и изнашивается воля. Канцелярии – огромная фабрика посредственностей, необходимых правительствам для поддержки того особого, основанного на деньгах феодального режима, на который опирается нынешний общественный договор (см. «Чиновники»). Зловонная теплота, испускаемая собравшимися вместе людьми, занимает немалое место среди причин прогрессирующего вырождения умов: мозг, выделяя особенно много азота, в конце концов отравляет другие мозги.

Кассиру было лет сорок, на его круглой, как шар, голове при свете лампы Карселя, стоявшей на столе, сияла лысина, а в черных волосах, уцелевших с боков, блестела седина. Цвет лица у него был кирпично-красный. Около голубых глаз залегли морщинки. Как у всякого толстого человека, руки его были пухлыми. Фрак синего сукна, уже немного побелевшего на швах, и лоснящиеся панталоны приобрели потертый вид, с которым тщетно борется щетка и который в глазах людей малонаблюдательных служит верным признаком, что перед вами бережливый честный человек, достаточно философски настроенный или достаточно аристократичный для того, чтобы носить старый костюм. Но не редкость встретить людей, которые, экономя на пустяках, неустойчивы, расточительны или бесхарактерны в главном. Петлицу кассира украшала ленточка Почетного легиона, так как во время Империи он служил командиром драгунского эскадрона. Г-н Нусинген, первоначально поставщик, впоследствии банкир, имел когда-то случай оценить щепетильность своего кассира, занимавшего тогда высокий пост, потом утраченный из-за неблагоприятных обстоятельств, и в знак уважения положил ему пятьсот франков в месяц. Воин сделался кассиром в 1813 году – тогда он уже залечил свои раны, полученные в

[1] Последний аргумент*(лат.)*.

сражении при Студзянке, во время беспорядочного бегства из Москвы, но до этого протомился шесть месяцев в Страсбурге, куда по приказанию императора посылали некоторых старших офицеров для особо тщательного лечения. Этот бывший офицер, по фамилии Кастанье, имел чин полковника в отставке и две тысячи четыреста франков пенсии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.